

Р. Ю. ВИППЕР КАК ИСТОРИК АНТИЧНОСТИ

В 1984 г. исполняется 125 лет со дня рождения академика Роберта Юрьевича Виппера (1859—1954 гг.), историка широкого профиля, оставившего заметный след в развитии русской и советской историографии Европы начиная с древности и до новейшего времени. Творческое наследие ученого насчитывает около трехсот работ, разнообразных по проблематике, среди них большое место принадлежит трудам по теоретическим вопросам и по античной истории. Его вклад в разработку всеобщей истории получил высокую оценку в трудах ряда крупных русских и советских историков — В. П. Бузескула, Е. А. Косминского, В. С. Сергеева, Н. А. Машкина, С. И. Ковалева, С. Л. Утченко, Е. В. Тарле, Н. М. Дружина и др.

Научное творчество Р. Ю. Виппера в целом, его историческое мировоззрение и философские взгляды уже освещались в советской исторической литературе¹. Но его труды по античной истории продолжают привлекать не только специалистов в этой области. Внимательное рассмотрение конкретно-исторических произведений, работ теоретико-методологического и публицистического характера, использование архивных материалов позволяют составить более цельное и в то же время более детальное представление о том, что внес Р. Ю. Виппер в науку об античности.

Пробуждение интереса к истории сам Р. Ю. Виппер впоследствии связывал с «впечатлениями семьи и гимназии»². Среднее образование он получил в гимназии при Лазаревском институте восточных языков. Юношеская увлеченность «духовными науками» определила выбор факультета. С 1876 г. он студент историко-филологического факультета Московского

¹ Сафонов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976; Лусис К. К. Р. Ю. Виппер на пути к материалистическому пониманию истории. — Известия АН Латвийской ССР, 1976, № 3; Могильницкий Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 900-х годов. Томск, 1969; Хмылев Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Томск, 1978.

² Stepermanis M. Prof. Robert Vipera dzīve un darbos. — In: Latviešu vēsturnieku veltījums prof. R. Viperam (14.VII.1859—14.VIII.1939). Red. M. Stepermanis, A. Svābe, J. Leids. Rīga, 1939, lpp. 7—8.

университета. Социально-политическая обстановка, в которой происходило формирование взглядов Р. Ю. Виппера, характеризовалась выступлением революционного народничества, ростом крестьянского и либерально-оппозиционного буржуазного движения. Это общественное оживление, возрастающее напряжение классовой борьбы оказывало значительное влияние на политические взгляды и формирование научных интересов молодого историка. Социальная сторона исторического процесса выдвигалась на передний план научного анализа самим общественным развитием. Стремление понять структуру общества, изучить его борющиеся группировки, вывести политические лозунги и мотивы из конкретной истории классовой борьбы становится в конце XIX в. ведущей тенденцией передовой русской исторической науки, к которой с самого начала примкнул Р. Ю. Виппер, испытывавший значительное влияние учителей и старших товарищей по университету — В. И. Герье, В. О. Ключевского, А. А. Шахова, П. Г. Виноградова и др.³ Своим наставником Р. Ю. Виппер считал прежде всего В. О. Ключевского, чьи лекции и книги отвечали студенческим мечтам «о создании новой, социальной истории», «истории общества, истории народа, его самобытной жизни, его глубоких культурных и политических стремлений»⁴. Виппера привлекала в исследовательском методе его учителей «способность к широкому охвату исторических явлений, к отчетливому распределению исторического материала»⁵.

После окончания университета в 1880 г. Р. Ю. Виппер преподавал в ряде средних учебных заведений Москвы, принимал активное участие в работе Исторического общества при Московском университете, был одним из секретарей исторической секции Педагогического отдела Общества распространения технических знаний. На страницах журналов «Историческое обозрение», «Русская школа», «Вестник воспитания» он выступал со статьями по вопросам совершенствования методики преподавания истории, приближения школьного преподавания к требованиям развивающейся исторической науки⁶. В 1885—1887 гг. Р. Ю. Виппер предпринял поездку за границу, он посетил Берлинский, Венский, Мюнхенский, Парижский университеты, слушал лекции Э. Курциуса, Н. Д. Фюстель де Куланжа и др.⁷ По возвращении на родину он сдал магистерские экзамены и в 1891 г. стал приват-доцентом Московского университета⁸. В 1892 г. Р. Ю. Виппер второй раз выезжал за границу для работы в архивах по теме диссертации. В 1894 г. за диссертацию о кальвинизме ему была присуждена степень доктора⁹, а его книга «Влияние Кальвина и кальвинизма на политические учения и движения XVI в. Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма» (М., 1894) удостоилась большой премии имени С. М. Соловьева.

В 1894 г. Р. Ю. Виппер становится профессором кафедры всеобщей истории Новороссийского университета в Одессе, ведет почти все курсы по этой кафедре, в том числе историю Греции и Рима. Именно в одесский период у Р. Ю. Виппера появляется глубокий интерес к античной исто-

³ В кабинете ученого. — Огонек, 1945, № 27, с. 13; ЦГИА ЛатвССР, ф. 17427, оп. 13, д. 1922, л. 69 (автобиография в личном деле проф. Латвийского университета Р. Ю. Виппера).

⁴ Виппер Р. Ю. Два историка. — Сегодня, 1927, № 41.

⁵ Он же. А. А. Кизеветтер как историк. — Сегодня, 1933, № 11.

⁶ Он же. Специальная подготовка преподавателя средней школы или поднятие его положения. — Вестник воспитания, 1898, № 6; он же. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука. — Вестник воспитания, 1898, № 1 и др.

⁷ ОР ГБЛ, ф. 70, п. 38, д. 117 (Письма Р. Ю. Виппера В. И. Герье из-за границы).

⁸ ЦГАМ, ф. 418, оп. 60, д. 273 (О принятии в число приват-доцентов магистранта Р. Ю. Виппера); оп. 476, д. 14 (Протокол заседания совета историко-филологического факультета от 29 апреля 1887 г.).

⁹ ЦГАМ, ф. 418, оп. 63, д. 250 (О защите приват-доцентом Виппером Р. Ю. диссертации на степень магистра всеобщей истории).

рии, который сохранился на протяжении всей его жизни. Оценивая значение античной истории, он писал: «... Этот своеобразный мир, в миниатюре поставивший многие вопросы, которые потом занимали новую Европу, мир менее устойчивый и более узкий, чем позднейшая культура Европы, вызовет истинный интерес и... послужит к освещению многих сторон новоевропейской жизни»¹⁰. Педагогическая и научная деятельность Р. Ю. Виппера в Одессе протекала в трудных условиях: Новороссийский университет тогда отличался реакционностью. Поэтому Виппер стремился вырваться из Одессы, пытаясь добиться перевода в Москву. Когда это не удалось, он в 1897 г. подал в отставку и некоторое время работал в Москве в средних учебных заведениях. Только в 1899 г. он становится экстраординарным, а с 1901 г. — ординарным профессором Московского университета по кафедре всеобщей истории.

В Московском университете Р. Ю. Виппер читал курсы по всем разделам всеобщей истории, а также специальные курсы по проблемам теории исторической науки и историографии, теории исторического познания. В своей педагогической деятельности в университете, в ее просветительской роли Р. Ю. Виппер видел смысл своей жизни. Именно поэтому ему особенно близок и понятен был Т. Н. Грановский, продолжателем традиций которого он себя считал¹¹. Чтение лекций, по собственному признанию Р. Ю. Виппера, было его «величайшим удовольствием», а шум аудитории в перерывах казался «приятной музыкой», вдохновляющей на новую работу. Его лекции оставляли глубокое впечатление у студентов. Один из его учеников, академик Н. М. Дружинин высоко оценивал лекционные курсы Р. Ю. Виппера, который, по его мнению, «бесспорно был самым выдающимся профессором историко-филологического факультета 1911—1916 гг.: он соединял в себе обширные и разносторонние знания, способность самостоятельно и тонко мыслить; при этом у него была спокойная и в то же время увлекающая форма изложения. Социологический метод и сочувствие передовым идеям приближали его в то время к учению марксизма. Курсы Р. Ю. Виппера по истории античного мира, новейшего времени, социальных идей, методологии исторической науки открывали перед нами широкие перспективы, возбуждали работу мысли, воспитывали навыки научно-исторического анализа»¹². Семинары Р. Ю. Виппера вводили студентов в круг вопросов, связанных с пониманием и толкованием источников. По воспоминаниям учившегося у него Н. А. Машкина особой популярностью пользовались семинары по Фукидиду, Плутарху, Тациту, Сенеке и другим античным авторам¹³. Вместе с В. О. Ключевским, Д. М. Петрушевским, А. Н. Савиным Р. Ю. Виппер представлял цвет преподавательского состава историко-филологического факультета первых двух десятилетий XX в.¹⁴

Историческая концепция Р. Ю. Виппера в ранний период его научно-педагогической деятельности нашла отражение в опубликованных им циклах статей под общим названием «Общество, государство, культура Запада в XVI в.» и «Общественные учения и исторические теории XVIII—XIX вв. в связи с общественным движением на Западе», а также статьи о Сен-Симоне и О. Тьерри¹⁵. В этих работах экономическое развитие ха-

¹⁰ Виппер. Школьное преподавание древней истории..., с. 67.

¹¹ Виппер Р. Ю. Две интеллигенции и другие очерки. Сб. статей и публичных лекций (1900—1912). М., 1912, с. 233.

¹² Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. М., 1967, с. 22—23.

¹³ Архив АН СССР, ф. 1562, оп. 4, д. 107 (Письмо Машкина Н. А. Випперу Р. Ю. от 20 февраля 1950 г.).

¹⁴ Косминский Е. А. Д. М. Петрушевский. — Средние века, вып. 2. М.—Л., 1946, с. 5.

¹⁵ Мир божий, 1897, № 2—5, 7, 8; Мир божий, 1899, № 3—9. Работа «Общественные учения и исторические теории XVIII—XIX вв.» в 1900 г. вышла отдельной книгой и 4 раза переиздавалась; Виппер Р. Ю. О Тьерри и «Опыт истории третьего сословия». — В кн.: Тьерри О. История происхождения и успехов третьего сословия.

рактизуется как «могущественная пружина материальной жизни», во многом определяющая политическое, культурное, религиозное развитие общества¹⁶. Идеи, учения, теории выступают как порожденные социально-экономическими условиями определенной эпохи. Р. Ю. Виппер высоко ценил французскую либеральную историографию первой половины XIX в. за создание концепции «социальной истории», за выдвижение «первой исторической формулы борьбы классов», за подчеркивание экономического мотива, лежавшего в основе социально-политической борьбы.

Всеопределяющим фактором исторического процесса в России начала XX в. стала первая буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. Явившись «генеральной репетицией» социалистической революции, она создала атмосферу общественных и духовных перемен, превратила Россию в центр революционного движения. Эти события явились решающей вехой в развитии либеральной историографии. Переход либеральной буржуазии к контрреволюционности нашел отражение в поправлении теоретико-методологических принципов либеральной историографии.

В отличие от многих своих коллег Р. Ю. Виппер и после революции 1905—1907 гг. оставался на позициях мелкобуржуазного демократизма. Общественно-политическая позиция историка проявилась в высокой оценке им античной демократии, в осуждении монархии и самодержавных порядков¹⁷, в борьбе с реакционными течениями в общественной мысли. Историк видел связь философской реакции с общественной, решительно выступил против реакционного идеализма и религиозных исканий¹⁸. Усиление идеалистических позиций в либеральной историографии Р. Ю. Виппер связывал с политической эволюцией самого либерализма, который после революции 1905—1907 гг. «все суживался, из радикального сделался умеренным и очень ожесточился против социализма»¹⁹. Определяя философский идеализм как «официальное учение» кадетской партии, он писал: «Идеализм есть щит против радикальных направлений, он составляет опору либерализма, поскольку либерализм консервативен в свою очередь»²⁰. В статье «Две интеллигенции» Р. Ю. Виппер решительно осудил ренегатство кадетской и части либеральной интеллигенции, выступившей в сборнике «Вехи» с пропагандой идеи реакции и идеализма, покорности самодержавию. Именно на этой почве он порывает со своим учителем В. И. Герье, примкнувшим к октябристской партии. Хотя Р. Ю. Виппер в 1911 г. после реакционных реформ Кассо и не оказался в числе профессоров, оставивших университет, он считался одним из «опасных» и на него не раз оказывали давление, чтобы заставить уйти из университета.

В то же время следует отметить, что Р. Ю. Виппер никогда не стремился к активной политической деятельности. В годы реакции он еще более замыкается в себе, уходит от всякой общественной работы, даже в университете. Признавая необходимость изменения существовавших порядков, он остается на позициях реформизма. Можно говорить о новом периоде и в его научном творчестве.

Наблюдается эволюция его философских взглядов в направлении эмпириокритицизма. Эта тенденция наметилась еще в статьях «Несколько замечаний о теории исторического познания» (1900) и «Новые направления

Пер. с франц. М., 1899; *Bunner P. Ю.* Социальная философия Сен-Симона. По поводу книги И. Иванова «Сен-Симон и сен-симонизм». — Мир божий, 1902, № 2.

¹⁶ Мир божий, 1897, № 8, с. 218.

¹⁷ *Vipper P. Ю.* Лекции по истории Греции. Ч. I, М., 1905, с. 179—180; *он же.* Очерки истории Римской империи. М., 1908, с. 158, 170, 236.

¹⁸ *Он же.* Заметки историка о религиозных исканиях современности. — Летопись, 1916, № 9, с. 204—213; *он же.* Реакционный идеализм и новая наука. — В сб.: Две интеллигенции..., с. 262.

¹⁹ Архив АН СССР, ф. 1562, оп. 1, д. 1 (История Греции. Из курса лекций 1916—1917 гг.), л. 46.

²⁰ Там же, л. 46—47.

в философии общественной науки» (1903). Однако окончательное формирование нового философского кредо Р. Ю. Виппера происходит позже, в годы реакции и находит отражение в книге «Очерки теории исторического познания» (1911)²¹. С позиций «теоретико-познавательного критицизма» на первое место в области исторической науки он выдвигает задачу создания особой теории исторического познания. При этом ее важнейшие проблемы начинают трактоваться им с субъективистских позиций²².

Изменение теоретических позиций находит отражение во многих работах этого времени и в том числе в исследованиях по истории античности, которым он начинает уделять особенно большое внимание с начала 900-х гг. Именно тогда были созданы такие его работы, как «Лекции по истории Греции» (1905), «Очерки истории Римской империи» (1908), «Древний Восток и Эгейская культура» (М., 1913), «История Греции в классическую эпоху IX—IV вв. до Р. Х.» (М., 1916). В этих книгах история античных обществ рассматривалась им в широком, общен историческом плане, а в проблематике исследований находили отзвук социально-политические проблемы, волновавшие современников. Демократические симпатии автора, определение социально-экономических мотивов как важнейших в развитии античных обществ поставили эти работы в число лучших в русской дореволюционной историографии античности.

Р. Ю. Виппера интересовали все стороны жизни античных обществ, но наиболее значительный вклад он внес в разработку социально-экономической истории античности. В его трудах по истории Греции и Рима большое место отводилось вопросам аграрных отношений, развитию ремесла, торговли, ростовщичества, рабочей силы. Важнейшие события древности — войны, социальная и политическая борьба внутри античных государств — рассматривались им в связи и зависимости от явлений экономической жизни. Анализируя развитие экономики древнего Рима, Р. Ю. Виппер указал на неоднородность римского поместного хозяйства, выделил мелкое крестьянское хозяйство, имения «катоновского типа», латифундии. Появление крупного землевладения в Риме он относил к концу III — первой половине II в. до н. э., но это были средние по размерам рациональные хозяйства «катоновского типа»²³. Крупные имения — латифундии, по его мнению, получили распространение позже, в I в. до н. э.²⁴ Впоследствии концепция неоднородности римских рабовладельческих хозяйств получила развитие как в буржуазной²⁵, так и в марксистской историографии²⁶.

Исследование сочинений римских агрономов II в. до н. э. — I в. н. э. Катона, Варрона, Колумеллы привело Р. Ю. Виппера к выводу о решающей роли рабского труда в экономике Рима того времени. «Рабский труд и работорговля никогда не достигали таких размеров, как в Римской империи в течение 200 с чем-нибудь лет от второй половины II в. до Р. Х.

²¹ Виппер Р. Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания. — Вопросы философии и психологии, 1900, кн. 53; он же. Новые направления в философии общественной науки. — Мир божий, 1903, № 11; он же. Очерки теории исторического познания. М., 1911.

²² Он же. Несколько замечаний о теории исторического познания. — В сб.: Две интеллигенции..., с. 27, 32 сл.

²³ Он же. Очерки истории Римской империи, с. 23—24.

²⁴ Там же, с. 142.

²⁵ Frank T. An Economic History of Rome. L., 1927; Heitland W. E. Agricola. A Study of Agriculture and Rustic Life in the Graeco-Roman World from the Point of View of Labour. Cambr., 1921; Rostovtzeff M. A History of the Ancient World. V. 1—2. Oxf., 1926—1933.

²⁶ Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье (II в. до н. э. — I в. н. э.). М., 1973; он же. Генезис рабовладельческой латифундии в Италии (II в. до н. э. — I в. н. э.). М., 1976; Сергеев М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М. — Л., 1958; Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964; Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971.

и до конца I в. после Р. Х.»²⁷. Применение рабского труда историк связывает в основном с сельским хозяйством. Он отмечает «чрезвычайную интенсивность и беззастенчивый характер» эксплуатации рабского труда²⁸, но в то же время он выступает против распространенного в историографии того времени мнения, что хозяева совершенно не заботились о рабах. По его мнению, на приобретение рабского персонала уходила большая часть капитала, и «отсюда своеобразные заботы о сохранении приобретенной трудовой силы, и, с другой стороны, беспощадная, беспримерная реализация ее. Так как за потерей несвободной рабочей силы безвозвратно погибал затраченный капитал, то о здоровье невольника беспокоились больше, чем о судьбе вольнонаемного»²⁹.

Отводя рабству значительную роль в жизни античных обществ, Р. Ю. Виппер тем не менее не видел в этом специфики античной экономики, не подчеркивал ее рабовладельческого характера; массовое развитие рабства было для него лишь важнейшей чертой «римского капитализма»³⁰. Тем самым античное общество не выделялось в особую ступень прогрессивного, поступательного развития, в особую рабовладельческую стадию. Следуя теории исторического круговорота, он считал, что античные общества проходили в своем развитии те же ступени, что и «новоевропейское», капиталистическое общество, поэтому античное рабство не получило в его концепции должной оценки.

Оценивая характер античной экономики, Виппер протестовал против отнесения даже гомеровского общества к чисто натуральному хозяйству. Значительное проникновение товарно-денежных отношений в сельское хозяйство Атики он относил ко времени перед реформами Солона³¹. В противоположность сторонникам натурального характера римской экономики Р. Ю. Виппер считал, что «капиталистическое предприятие в Италии сильно выразилось в сельском хозяйстве», проникло и в другие отрасли³². Однако преувеличивая степень развития товарно-денежных отношений в античных обществах, он не видел специфики простого товарного производства в древности, сближал его с капиталистическим производством вообще, модернизируя античную экономику.

Глубоким и постоянным было внимание Р. Ю. Виппера к социальной истории античной Греции и Рима. Политические и идеологические события он объяснял соотношением классовых сил, социальной борьбой в античных обществах. В решении вопроса о происхождении классов в ранний период творчества Р. Ю. Виппер близко подошел к материалистическому толкованию истории. Он критиковал Н. Д. Фюстель де Куланжа и О. Тьерри за то, что в становлении классов они отводили огромную роль религии и семье, насилию и расовому началу³³. В определении классов он исходил из «условий владения и организации труда, условий имущественного обмена и имущественных столкновений, профессиональных и образовательных связей и соперничеств»³⁴. Анализируя происхождение основных классов древнегреческого общества, историк прослеживает, «в какой мере... социальные различия и крайности связаны с развитием землевладения, с распределением земельной собственности»³⁵. Позднее под влиянием субъективно-идеалистической философии он стал преувеличивать

²⁷ Виппер. Очерки истории Римской империи, с. 142.

²⁸ Там же, с. 144—149.

²⁹ Там же, с. 144.

³⁰ Там же, с. 32—33.

³¹ Виппер. Лекции по истории Греции. Ч. 1, с. 43.

³² Он же. Очерки истории Римской империи, с. 32—33.

³³ Он же. Две интеллигенции..., с. 70, 92; он же. Лекции по истории Греции, с. 31—32.

³⁴ Он же. Две интеллигенции..., с. 92; он же. Очерки истории Римской империи, с. 353—354.

³⁵ Он же. Лекции по истории Греции, с. 36.

роль государства и идеологических факторов в процессе классовообразования.

В социальной структуре античных Греции и Рима Р. Ю. Виппер различает «имущие» и низшие классы. Для периода Поздней республики в Риме он намечает следующую социальную структуру: 1) аристократия, «магнатство», нобилитет; 2) всадничество, «капиталисты»; 3) плебс (городской и сельский). Хотя роль рабского труда в Греции и Риме оценивалась им очень высоко, он тем не менее нигде не характеризует рабов как особый класс. Подобное отношение к рабству и рабам вытекало из методологического подхода историка к исследованию социальной структуры античных обществ. С позиций теории исторического круговорота, культурных циклов античность представлялась Випперу типом общества, аналогичным новоевропейскому, капиталистическому и лишь количественно, но не качественно отличавшимся от последнего³⁶. Сближение социальных структур античного и капиталистического обществ и приводило к выявлению классов в обществах первого типа лишь в среде свободного населения, к игнорированию рабов как одного из основных классов древних обществ, а также их роли в социальной борьбе древнего мира.

История античных обществ предстает в трудах Р. Ю. Виппера как история ожесточенной социально-политической борьбы, при этом его симпатии были на стороне демократических сил. Он требовал объективного подхода к оценке демократии в древности, в частности афинской демократии. «В пределах того, что могла дать античная Эллада, — писал он, — афинская демократия и афинская морская держава были самыми сложными, крупными и деятельными организациями, это были высшие политические и социальные продукты греческой культуры. Только такое сравнение с формами и явлениями одновременными и дает нам основу для справедливой оценки самого афинского общества»³⁷. В оценке социальной борьбы в греческих общинах взгляды Р. Ю. Виппера были наиболее близки взглядам Ю. Белоха и его выводам в «Греческой истории»³⁸. Их сближало глубокое внимание к социально-экономическим проблемам античности, к истории масс, для исторических концепций обоих историков были характерны также гиперкритицизм и модернизация древности.

Историю демократии в Афинах Р. Ю. Виппер прослеживает начиная с VII и до IV в. до н. э. Ее возникновение, развитие, борьбу с аристократией он связывал с изменением экономического положения Афин, сдвигами в социальной структуре общества, но, выделяя в качестве главной линии в истории Афин развитие городской демократии, преувеличивал ее противоположность сельской демократии. Он писал, что «история Афин складается потом из союза и антагонизма обеих демократий», что в истории V в. не было вопроса более жгучего, чем эта противоположность землевладельческого и морского элементов³⁹. Преувеличение, а иногда и абсолютизация антагонизма сельских (земледельческих) и городских (морских, торговых и ремесленных) элементов приводили к искажению реального содержания классовой борьбы в античной Греции. Так социально-политическую борьбу эпохи «пятидесятилетия» (480—430 гг.) Р. Ю. Виппер сводил к борьбе двух партий: консервативной и радикальной. Но в то же время он отмечал: «Различие партий не совпадает... с делением граждан на богатые и бедные классы», выделяя, с одной стороны, сельские, с другой стороны — городские «классы»⁴⁰. Таким образом, социальная борьба в Афинах сводилась им к борьбе внутри свободного населения, а роль рабов полностью игнорировалась. Модернизируя античную историю

³⁶ Он же. Школьное преподавание древней истории..., с. 67; он же. Очерки теории исторического познания, с. 195.

³⁷ Он же. Лекции по истории Греции, с. 180.

³⁸ Белох Ю. История Греции. Т. 1. М., 1905, с. 21.

³⁹ Виппер. Лекции по истории Греции, с. 136.

⁴⁰ Там же, с. 155.

он преувеличивал место «партийной» борьбы, широко используя термин «партия» для обозначения общественных групп.

Виппер ценил афинскую демократию, ее организацию, стройную систему конституционного политического порядка; он писал: «Афинский многоголовый государь не был капризным деспотом, он был весьма добросовестным и точным в исполнении обязанностей конституционным правителем»⁴¹. Афинская радикально-демократическая конституция, как и все «политическое творчество V в., от Клизфена до Фрасибула», по его оценке, «принадлежит к числу самых замечательных созданий ума и искусства человеческого»⁴². Подчеркивая в качестве важнейшего достоинства афинской демократии ее стремление к фактическому равенству, Виппер указывал, что она «имела в виду не одно отвлеченное равенство, не одну декларацию свободы, но также известное социальное обеспечение, фактическое управление граждан в смысле предоставления всем и всякому возможности активно участвовать в государственной жизни»⁴³. Заслуги демократии он видел в расцвете культуры, развитии наук, достижениях греческой философии, просвещенности. Исторический гений Фукидида, по его мнению, был создан афинской обстановкой.

Высоко оценивая афинскую демократию, Р. Ю. Виппер, однако, не идеализировал ее, показывал ее недостатки, ограниченность. «В Афинах V века демократия была полной и последовательной лишь в принципе, но не на практике»⁴⁴. Пределом для ее развития он считал закон об ограничении численности гражданства (451 г. до н. э.). К недостаткам демократии он относил агрессивную политику Афин, преследование свободы мысли, религиозный консерватизм⁴⁵. Вместе с тем следует отметить, что говоря о сущности античной демократии, Р. Ю. Виппер по существу не принимал во внимание ее рабовладельческий характер, не смог показать, что «рабовладельческое гражданское общество было той естественной основой, на которой зиждилось античное государство»⁴⁶.

Характеризуя причины падения античных демократий Р. Ю. Виппер писал: «Демократические общества Греции и Италии были слишком малочисленны и одиноки; при своем расширении они не встречали равных соперников, которые научили бы их подумать об устройстве широких союзов однородных групп; империализм вырастал в виде одностороннего господства и в конце концов „становился могильщиком“ создавшего его общества. Подданные окружали зерно энергичных завоевателей плотной стеной крепостной организации, и эта организация вторгалась внутрь самого общества, разбивая таким образом первоначальную трудовую основу независимых хозяйственных элементов. Демократия была уже социально разрушена, когда приходил соответственный политический конец, когда формы господства и иерархии, установившиеся на окраинах, в области империи, появлялись в метрополии»⁴⁷. Он справедливо критиковал Э. Мейера и Р. Пельмана за то, что причину быстрого упадка Афин они видели «во внутреннем несовершенстве демократии», в отсутствии в ней государственной идеи «общего интереса»⁴⁸.

Выделяя среди причин кризиса и упадка демократии в качестве основной — сужение социальной базы, разорение мелкой собственности под

⁴¹ Там же, с. 169.

⁴² Архив АН СССР, ф. 1562, оп. 1, д. 1, л. 1 (из курса лекций 1916—1917 гг., ч. 1).

⁴³ Виппер Р. Ю. История Греции в классическую эпоху IX—IV вв. до Р. Х. М., 1916, с. 262.

⁴⁴ Там же, с. 252.

⁴⁵ Там же, с. 271, 293—295, 350 и др.

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 440.

⁴⁷ Виппер. Очерки истории Римской империи, с. 388—389.

⁴⁸ Архив АН СССР, ф. 1562, оп. 1, д. 1, л. 1 (Из курса лекций по истории Греции. 1916—1917).

влиянием внешнего расширения и развития рабства, Р. Ю. Виппер не был последовательным в проведении этой линии. Постепенно в связи с увлечением эмпириокритицизмом он все большее место отводит в трактовке этого процесса внешнеполитическим факторам, например падению Афинской морской державы, «империализму», т. е. завоевательной политике демократических государств древности, а также отходу афинской «интеллигенции» от демократии⁴⁹. Теоретические позиции историка не позволили ему увидеть причину гибели афинской демократии в разложении основы классического полиса — античной формы собственности — и согласиться с тем, что «...вся основывающаяся на этом фундаменте структура общества, а вместе с ней и народовластие, приходит в упадок в той же мере, в какой именно развивается недвижимая частная собственность»⁵⁰.

Среди проблем древнеримской истории Р. Ю. Виппер опять-таки выделял историю демократии. Она привлекала его «своей идейной программой, своей публицистикой и в особенности постановкой аграрного вопроса»⁵¹. Историк подчеркивал крестьянское ядро в основе римской демократии, а отсюда особую важность для нее аграрного вопроса. Но он не сводил всю ее программу лишь к аграрному вопросу, вычленив требования демократических реформ политического и государственного устройства, финансов, союзнического вопроса⁵². В развитии аграрного вопроса от выступления Гракхов до Цезаря Р. Ю. Виппер проследил две линии: демократическую (аграрные законопроекты Гракхов, Сатурнина, Ливия Друза Младшего, Сервилия Рулла) и аристократическую (антигракханское аграрное законодательство Ливия Друза Старшего, Суллы, рогации трибунов Флавия и Плотия, Цезаря и триумвиров). Общие же черты в программах демократии и претендентов на монархическое господство в Риме он объясняет заимствованием последними важнейших пунктов программы первых⁵³.

Кризис и падение республики в Риме историк связывал с гибелью демократии. «Неудача демократии и последующая за ней реакция в конце 60-х гг. и составляют, вместе взятые, катастрофу республики»⁵⁴. Виппер выступал против упрощенной и односторонней трактовки этого процесса, критически подходил к существующим теориям падения республики. Анализируя концепцию Т. Моммзена, «тонкого юриста и блестящего писателя», давшего «необыкновенно яркую социально-политическую формулу возникновения монархии», Виппер решительно возражает против его основной мысли, что политический строй Римской империи представлял собой монархически организованную демократию, что императоры — представители интересов низших классов, а Цезарь — вождь римской демократии, продолжатель дела Гракхов⁵⁵. Он справедливо замечает, что историческая концепция Т. Моммзена — продукт общественно-политической обстановки Германии 50-х годов XIX в., когда «после крушения республиканской демократии в революциях 1848 г. средние классы и примкнувшие к ним круги интеллигенции надеялись найти выход в популярной монархии»⁵⁶. «Большой критицизм и научную осторожность», реалистичность Виппер видит в концепциях К. Нича и Г. Ферреро, но и они не избежали преувеличения роли отдельных личностей в падении республики⁵⁷. Виппер одним из первых выступил против преувеличения роли Цезаря и дал критику теорий, отрывающих его политику

⁴⁹ Виппер. История Греции в классическую эпоху, с. 314—317, 337, 350, 359.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 21.

⁵¹ Виппер. Очерки истории Римской империи, с. 4.

⁵² Там же, с. 29, 43 и др.

⁵³ Там же, с. 46—47.

⁵⁴ Там же, с. 207, 209.

⁵⁵ Там же, с. 215.

⁵⁶ Там же, с. 216.

⁵⁷ Там же, с. 217 сл.

от острой социальной борьбы той эпохи, поставил вопрос о его социальной политике⁵⁸.

Основными причинами падения республики в Риме историк считал падение роли демократических элементов в обществе, разорение мелких собственников в результате развития рабства и товарно-денежных отношений в условиях «империалистического расширения Рима», рост монархических тенденций. Он неоднократно подчеркивал, что монархия в Риме — не демократического происхождения: «...принципат одного вырос из принципата немногих», из реакционной политики олигархов; шагом к возникновению монархии в Риме были «триумvirаты, союзы многих династов, реакционные диктатуры»⁵⁹. Подводя итоги установления в Риме монархической формы правления, Р. Ю. Виппер подчеркивал неизбежность этого исторического явления, вызванного и «...колониальными войнами... и появлением огромных армий, и внутренней смуты, борьбой классов, среди которых аристократия искала себе опоры, выдвигая социальную диктатуру»⁶⁰. Он критикует современные ему исторические теории относительно принципата и видит их основной недостаток в игнорировании классовой борьбы в период становления нового политического строя, складывавшегося «медленно и неуверенно»⁶¹.

Определив социальную сущность принципата как закрепление общественной иерархии, как выражение интересов верхушки имущих классов всей империи и в первую очередь сенаторского и всаднического сословий, Р. Ю. Виппер показывает, как далек был новый режим от интересов низших слоев населения. «Раз только решиться посмотреть на императорство с точки зрения социальных судеб римского и итальянского общества, придется признать римскую монархию далекой от каких-либо демократических задач: она составляет лишь продолжение и увенчание общественной иерархии»⁶². В этой оценке монархии в древности ярко проявляется отношение историка к самодержавию, его демократические общественно-политические взгляды. С монархическим режимом он связывал деспотизм, угасание общественной жизни, упадок культуры. Показывая последствия установления монархии в Риме, Р. Ю. Виппер писал: «Нация, как живая сила, кончилась, замолкла вместе со своими шумными собраниями. Остался ее внешний облик, как высохшее дерево со своими ветвями; но обмена крови, круговорота жизненных сил нет. И этот тяжелый, окаменевший колосс давит, как мертвец, то живое, что ему досталось под власть»⁶³. «Как мельчает, как принижается общественная жизнь там, где водворилась наверху грубая исключительная власть»⁶⁴. Правда, у Р. Ю. Виппера были отклонения от этой оценки сущности монархии⁶⁵.

Р. Ю. Виппер был талантливым и разносторонним исследователем. В области античной истории, кроме рассмотренных проблем, его занимали вопросы античной культуры и идеологии, во второй период творчества усиливается его интерес к внешнеполитическим и военным событиям. Один из его рецензентов, К. Н. Успенский подчеркивал, что описание Виппером Пелопоннесской войны является лучшим во всей исторической литературе⁶⁶. Его работы отличали образность и конкретность в изложе-

⁵⁸ Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М. — Л., 1949, с. 60—63.

⁵⁹ Виппер. Очерки истории Римской империи, с. 101, 245, 388—389.

⁶⁰ Он же. Очерки теории исторического познания, с. 252.

⁶¹ Он же. Очерки истории Римской империи, с. 350 сл.

⁶² Там же, с. 3.

⁶³ Виппер. Две интеллигенции..., с. 312.

⁶⁴ Он же. Возникновение христианства. М., 1918, с. 47.

⁶⁵ Он же. Судьба религии. Берлин — Петроград, 1921, с. 77; он же. Иван Грозный. М., 1922, с. 12—13, 104 и др.

⁶⁶ Успенский К. Н. Рец.: Р. Ю. Виппер. История Греции в классическую эпоху IX—IV вв. до Р. Х. — Голос минувшего, 1917, № 11—12, с. 353.

нии, глубокая связь прошлой истории с современностью. Популяризаторская деятельность занимала в его творчестве значительное место, тем не менее в каждой работе он выступал самостоятельным исследователем. Подчеркивая это, академик Е. В. Тарле писал: «Его книги о последних веках римской республики не популяризация, но совсем самостоятельный анализ материала, во многом исправляющий ошибки и увлечения Г. Ферреро. Целый ряд других его работ обнаруживает и глубину научной мысли и строгую требовательность к себе»⁶⁷.

Исследовательскую манеру Виппера в целом характеризовало комплексное использование источников, однако для античной истории он отдавал предпочтение данным античных авторов, мало привлекая другие категории источников. Особенно высоко он ценил Фукидида и Полибия за критицизм и глубокое проникновение в исследуемый материал⁶⁸. Большое внимание уделял историк критике источников, в развитии критического метода он видел крупнейшее завоевание исторической науки. Однако на базе субъективистской философии критический подход нередко переходил у него в скептицизм и гиперкритицизм. Он считал недостоверным царский период в истории Рима, борьбу патрициев с плебеями, малодостоверной историю Рима до начала III в. до н. э. и Греции до конца VI в. до н. э., отвергал многие данные «Афинской политики» Аристотеля о реформах Солона, достоверность реформы Сервия Туллия.

Как уже отмечалось, Р. Ю. Виппер был одним из крупнейших представителей социально-экономического направления в русском антиковедении. На его концепции античной истории сказались как положительные черты, так и недостатки этого направления. Испытав известное влияние марксизма еще в начале творческого пути, он по существу долгое время был далек от материалистического понимания истории. Его «экономизм» был непоследовательным и непостоянным. Уже в работах второго периода в противоположность прежнему стремлению изображать в первую очередь социально-экономические процессы жизни античных обществ историк под влиянием эмпириокритицизма высказывается вначале за уравнивание «внешних событий и внутренних состояний», а затем уделяет все большее внимание исследованию и изображению первых⁶⁹. Это приводит к увеличению роли чисто внешних факторов в толковании важнейших явлений античной истории — становления классов, формирования их идеологии, в трактовке подъема и падения античной демократии и т. д.⁷⁰. В русле «критического анализа» Р. Ю. Виппер предпринимает попытку пересмотра периодизации истории, опираясь на географические и культурные факторы⁷¹. За основу деления исторического процесса на циклы, а циклов на периоды он принимает развитие культуры, хотя придает значение и эволюции экономической жизни внутри цикла. Само понимание экономического фактора у историка очень расширенное, включает географические и демографические элементы, иногда даже первый подменяется последними. Даже в тех случаях, когда в характеристике эволюции античного общества экономический момент проведен более последовательно, историк не доходит до выявления первопричины этого развития — способа производства материальных благ.

В применении к античной истории Р. Ю. Виппер широко использовал термины «капитализм», «империалистическая политика», «буржуазия», «пролетариат», «партии», «коммунистические теории». Хотя историк и

⁶⁷ Тарле Е. В. Сочинения в 12 т. М., 1962, т. 12, с. 105.

⁶⁸ Виппер. Лекции по истории Греции, с. 87; Архив АН СССР, ф. 1562, оп. 1, д. 46, л. 65—68.

⁶⁹ Виппер Р. Ю. Древний Восток и эгейская культура. Пособие к университетскому курсу. М., 1913, с. 3—4.

⁷⁰ Он же. Очерки теории исторического познания, с. 282—284; он же. Древний Восток и эгейская культура, с. 27—29; он же. История Греции в классическую эпоху. IX—IV вв. до Р. Х. М., 1916, с. 75—76 и др.

⁷¹ Он же. Очерки теории исторического познания, с. 110—111.

оговаривал, что этот прием модернизации не более как применение современных слов и терминов для определения античных обществ, в своих построениях он иногда заходил дальше их простого использования. Крайне произвольно он употреблял термин «революция». В применении к древней истории «революциями» он называл такие события, как восстание 763 г. до н. э. в гор. Ассуре, выступление крестьян перед реформами Солона, переворот 411 г. до н. э. в Афинах, движение Катилины и т. д. Нередко под этот термин им подводились противоположные по характеру исторические явления, например: союзническая война — «крестьянская и демократическая революция», переворот Цезаря — «цезарианская революция»⁷².

На позициях буржуазной методологии истории Р. Ю. Виппер не смог создать цельной научной концепции истории античных обществ. Узкие рамки буржуазного мирозерцания не позволили историку объективно оценить и крупнейшие события современности: первую мировую войну, Великую Октябрьскую социалистическую революцию, Гражданскую войну. В условиях нарастания революционного кризиса в России Р. Ю. Виппер, испытывая страх перед надвигающимися революционными событиями, идеализирует старые, «патриархальные» времена, ратует за социальное согласие, классовый мир⁷³. Политические взгляды Р. Ю. Виппера в период 1917—1924 гг. могут быть охарактеризованы как мелкобуржуазные. С этих позиций он принимал критику капитализма, но отмежевывался от социалистической революции и ее практической программы⁷⁴. Реакционная политическая позиция исследователя сказалась и на теоретической. В его работах становится более заметным влияние идеалистической философии, что проявляется в стремлении встать выше «крайностей» материализма и идеализма. Именно эта «реакционнейшая» попытка была осуждена В. И. Лениным в статье «О значении воинствующего материализма», где В. И. Ленин подчеркнул, что отказ от последовательного проведения принципов материализма играет на руку идеализму, поповщине, является «прислужничеством господствующей буржуазии»⁷⁵.

Политические и философские взгляды, неприятие советской действительности побудили Р. Ю. Виппера в 1924 г. уехать в Латвию. Время пребывания в Латвии (1924—1941 гг.) было связано с напряженной научно-педагогической деятельностью в Латвийском университете, активной работой по распространению исторических знаний, борьбой с реакционной школой в латышской историографии⁷⁶. В эмиграции Р. Ю. Виппер стоял в стороне от общественной деятельности, не состоял ни в каких белоэмигрантских организациях.

Успехи СССР в социалистическом строительстве, восстановление Советской власти в Прибалтике, начавшаяся вторая мировая война явились решающими социальными причинами, побудившими Р. Ю. Виппера пересмотреть свои прежние политические и историко-философские взгляды. В 1941 г. он возвратился в Москву и вплоть до своей смерти (1954 г.) продолжал научную работу в области древней истории и медиевистики в Институте истории АН СССР и МГУ. В истории античности его привлекают в этот период проблемы, связанные с возникновением христианства и

⁷² Виппер. Очерки истории Римской империи, с. 93, 103 и др.

⁷³ Виппер Р. Ю. Гибель европейской культуры. Сб. статей и публичных лекций (1914—1918 гг.). М., 1918, с. 53—56.

⁷⁴ Он же. Социализм и социальная реформа. М., 1917, с. 31—32; он же. Очерки истории социализма в новейшее время. М., 1917, с. 43—44.

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 27.

⁷⁶ Latviesu vēsturnieku veltījums prof. R. Vīperam, 21 lpp.; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. VII. Советская историография Латвии. М., 1968, с. 14; Бирон А. К., Дорошенко В. В. Советская историография Латвии. Рига, 1970, с. 69, 76; Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946, с. 334 сл.

переходом от античности к средневековью⁷⁷. В их разработке нашли отражение изменения методологических позиций Р. Ю. Виппера по вопросам теории исторического процесса.

Проблемы теории исторического процесса и исторического познания занимали большое место в научном творчестве Р. Ю. Виппера на всем протяжении его жизни.

Взгляды Р. Ю. Виппера на характер исторического процесса формировались и развивались в русле теорий исторического круговорота. В ранний период научных исследований он высоко оценивал теорию Д. Вико (1668—1744 гг.) о развитии человеческой истории «в виде круговорота, смены подъема и падения», в виде прохождения всеми обществами одинаковых и обязательных этапов развития⁷⁸. Сравнивая древний и новоевропейский «культурно-исторические циклы», он писал: «В более узком географическом районе, при меньшем разнообразии форм греки и римляне проходят главные стадии общественного развития, которые мы встречаем потом в Средней Европе IV—XVI вв., от экономической замкнутости самодовлеющих групп к широкому развитию обмена, крупной индустрии и торговле с характерными явлениями капитализма...»⁷⁹. Полемизируя с ойкосной теорией К. Бюхера, Виппер вслед за Э. Мейером считал, что «хозяйственная жизнь Древности гораздо сложнее и сама по себе прошла три намеченные его теорией ступени», т. е. натуральное, городское и народное хозяйство⁸⁰.

Противоречие между накопившейся массой нового исторического материала, требующего систематизации, и невозможностью объяснить его с позиций прежнего социологического метода Виппер пытался разрешить с помощью новой периодизации истории, которая согласовывала хронологические периоды с географическими районами так, что каждый новый большой период открывался перемещением культурно-географических центров. «В истории перед нами выступают не столько хронологические моменты одного расширяющегося течения, — писал Виппер, — сколько местные общественные и культурные типы с характерным строением весьма длительного свойства»⁸¹. Он выделял три параллельно сосуществовавших пространственно-временных комплекса: нильско-евфратский, средиземноморский, средневропейский. Новая схема исторического процесса также не объяснила наличие общих элементов в разновременных культурах, поэтому он настаивал на том, чтобы «помимо ступеней развития» учитывать элемент «постоянства», «общечеловеческих» черт, дополнил ее элементами «исторических влияний», «передач», осуществляющихся в духовной сфере, образующих связь отдельных культур. Но и эта схема не удовлетворила историка, не позволила ему разместить весь запас известных данных по наметившемуся «идеальному чертежу»⁸².

Взгляды Р. Ю. Виппера на характер исторического развития имели немало точек соприкосновения с циклической теорией Э. Мейера, теорией «локальных культур» О. Шпенглера, теорией «цивилизаций» А. Тойнби. В рижский период вслед за О. Шпенглером решающую роль в определении характера культуры Виппер отводил «системе идей»⁸³. В основу

⁷⁷ Виппер Р. Ю. Возникновение христианской литературы. М.—Л., 1946; он же. Рим и раннее христианство. М., 1954; он же. Социальные идеи евангелия от Луки.— Средние века, вып. 2. М.—Л., 1946; он же. Просветительный век Римской империи.— ВДИ, 1948, № 3; он же. Этические и религиозные воззрения Сенеки.— ВДИ, 1948, № 1; он же. История средних веков. М., 1947; Архив АН СССР, ф. 1562, оп. 1, д. 43 (Гибель античного мира. Доклад, прочитанный Р. Ю. Виппером на заседании кафедры истории древнего мира МГУ в 1940 г.), л. 2.

⁷⁸ Виппер. Общественные учения и исторические теории..., с. 16; Мир божий, 1897, № 2, с. 7—8.

⁷⁹ Виппер. Школьное преподавание древней истории..., с. 36.

⁸⁰ Он же. Очерки теории исторического познания, с. 77.

⁸¹ Там же, с. 106.

⁸² Виппер. Две интеллигенции..., с. 261.

⁸³ Vipers R. Vēstures Lielās Problēmas. Rīga, 1940, 120 lpp.

вновь предложенной им периодизации истории Европы был положен принцип «господства определенного мировоззрения, которому отвечает определенное общественное устройство»⁸⁴.

В научном творчестве Р. Ю. Виппера особое место занимали вопросы теории исторического познания, особенно в период его увлечения эмпириокритицизмом.

В ранний период с позиций позитивистской философии Р. Ю. Виппер признавал объективность и закономерность исторического процесса, объективный характер исторических фактов, историческую причинность, отстаивал «научность» истории, задачу которой видел в выявлении общих черт в эволюции общественных групп, «в изучении типичного, в наблюдении повторяемости, правильности, в выделении постоянных, возвращающихся элементов». Конкретно-исторические работы раннего периода характеризовались изучением «законов состояний», интересов, масс⁸⁵.

Но, как уже говорилось, в начале XX в. в творчестве Виппера появляются кризисные ноты. Историк связывал кризис общего научного метода с недостатками позитивистской методологии исследования с ее схематизмом, невниманием к субъекту познания. Кризис исторической науки воспринимался им в основном в гносеологическом плане, хотя он и говорил о связи философской реакции с общественной. Не видя социальных корней кризиса буржуазной историографии, выход из него Р. Ю. Виппер пытался найти в создании особой теории исторического познания на основе махизма. Задачу новой науки Виппер видел в описании процесса познания, в определении того, «что мы сами вносим в восприятие, в наблюдение фактов; с какими категориями подступаем мы к ним, какова во всем нашем знании о мире доля необходимых и неизбежных предрасположений нашей мысли», в выяснении «психических условий, в которых образуются наши представления о реальном мире», «психологического смысла наших заключений о взаимной связи явлений реального мира и их закономерностей»⁸⁶. Однако правомерный вопрос о роли теоретического мышления в процессе познания решался Виппером с позиций субъективистской философии, что приводило к абсолютизации теоретического мышления, отрицанию объективного восприятия исторического явления. Отождествляя исторический факт с фактом исторической науки, рассматривая последний как субъективную категорию, конструкцию ума, мышления, он считал возможным говорить о «создании фактов в уме нашем, их формовке по чертежу»⁸⁷.

На том же основании Виппер отрицал объективное содержание общих понятий, хотя высоко ставил их значение в познании действительности. Из признания «экономики», «политики», «идеологии» лишь умственными абстракциями вытекало отрицание исторической причинности, которую Виппер предлагал заменить функциональной связью. Это приводило к снятию вопроса о том, что первично и что производно в общественном развитии. А из признания равноправия факторов в историческом процессе он делал вывод о равноправии обоих «методов познания» — материалистического и идеалистического, за что его резко критиковал В. И. Ленин⁸⁸.

В противоположность неокантианству, которое отрицало возможность открытия законов исторической наукой, Виппер писал, что «история всегда была в ранге науки, признававшей и наблюдавшей закономерность»⁸⁹. В то же время с позиций эмпириокритицизма он отрицал объективность исторического познания, а критериями истинности научных

⁸⁴ *Idem*. Eiropas Kulturvēsturiskie laikmeti. — Daugava, 1936, № 3, 246 lpp.

⁸⁵ Виппер Р. Ю. О преподавании истории в основной и средней школе. — Русский педагогический ежегодник в Латвии. Рига, 1927, с. 29.

⁸⁶ Он же. Две интеллигенции..., с. 27.

⁸⁷ Там же, с. 32—33.

⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 27.

⁸⁹ Виппер. Очерки теории исторического познания, с. 14.

теорий считал пределы сознания создавшего их историка и соответствие современным общественным запросам, а не глубину отражения объективной реальности. Историческую закономерность Виппер понимал как особое условие, вносимое ученым в процессе исследования. Не выяснялся, таким образом, вопрос об объективном характере исторических законов, что способно было привести к отрицанию закономерного характера самого исторического процесса.

Однако в последующие годы новые научные запросы и объекты исследования, растущий и усложняющийся материал заставляли историка совершенствовать методы научного исследования, обнаруживая несостоятельность субъективистской теории познания. Настойчивые методологические искания привели Р. Ю. Виппера на склоне жизни к признанию марксистско-ленинской философии в качестве единственно верного метода научного познания. В 40—50-е годы XX в. на основе исторического материализма ученым были переосмыслены многие важные вопросы теории познания. Историзм, классовый подход к явлениям действительности, признание объективности исторических знаний стали важнейшими принципами его исследовательского метода. Именно в этот период и в трактовке важнейших проблем античной истории — социально-экономических отношений и классовой борьбы в античном мире — Р. Ю. Виппер перешел на позиции материалистической концепции развития древних обществ. Признанием научных заслуг историка было избрание его в 1943 г. академиком, награждение в 1944 г. орденом Трудового Красного Знамени, а в 1945 г. — орденом В. И. Ленина.

Всю свою жизнь Р. Ю. Виппер посвятил поискам научной истины, такой исторической теории, которая смогла бы дать объективное толкование прошлого. Р. Ю. Виппер пришел к марксизму сам, «выстрадав» его в мучительных исканиях, пройдя через отрицание многих «модных» буржуазных теорий исторического развития. Необходимо все же отметить, что не все до конца им было понято в марксизме, не все прежние взгляды пересмотрены с новых позиций. Но примечателен сам факт этой эволюции. Он показывает силу Р. Ю. Виппера как подлинного ученого, исследователя. Одновременно это еще раз подтверждает творческую силу и большие научные возможности марксизма-ленинизма — единственно верной методологии научного познания.

А. П. Данилова

ROBERT YURIEVICH VIPPER HISTORIAN OF ANTIQUITY

A. P. Danilova

The author considers the research and teaching career of the eminent Russian and Soviet historian R. Yu. Vipper (1859—1954) against the background of the social and political situation in the different periods of his working life, in the course of which his world outlook and philosophical views underwent a series of changes ranging from positivism through empiriocriticism to historical materialism. Vipper was a distinguished representative of the socio-economic tendency in Russian historiography on antiquity. His attention was focussed primarily on this aspect of ancient history and on the class struggle in ancient societies, which he regarded as an important factor in their development. Vipper highly esteemed ancient democracy and recognised the important role of slavery in the ancient economy. At the same time his conception of ancient history contained elements of «modernism», hypercriticism and cyclical theory. Towards the end of his life, after lengthy methodological searchings, he came to see in the philosophy of Marx and Lenin the one true method of scientific enquiry and made an effort to rethink, on this basis, the most important problems of ancient history. In 1943 Vipper's contributions to historical science were acknowledged by his election to membership in the Academy of Sciences; in 1944 he was awarded the Order of the Red Banner of Labour and in 1945 the Order of Lenin.